

К вопросу о гражданско-правовом регулировании смарт-контрактов

On the issue of civil law regulation of smart contracts

Агибалова Е.Н.

канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград,
e-mail: agibalovaen76@mail.ru

Agibalova E.N.,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of civil law disciplines, Volgograd Institute of management – branch of RANEPА, Volgograd
e-mail: agibalovaen76@mail.ru

Аннотация

В статье затронуты вопросы гражданско-правового регулирования смарт-контрактов в свете внесения поправок в Гражданский кодекс РФ Федеральным законом № 34-ФЗ, принятым Государственной думой 12 марта 2019 г., в том числе легального определения понятия «смарт-контракт». Рассматриваются преимущества и недостатки практического использования смарт-контрактов и существующие проблемы применения к смарт-контрактам норм гражданского законодательства.

Ключевые слова: смарт-контракт, гражданско-правовой договор, гражданско-правовое регулирование, гражданско-правовые отношения, гражданское законодательство, письменная форма сделки, электронная форма договора.

Abstract

The article touches upon the issues of civil regulation of smart contracts in the light of amendments to the Civil code of the Russian Federation by the Federal law № 34-FZ adopted by the State Duma on March 12, 2019, including the legal definition of «smart contract». The advantages and disadvantages of the practical use of smart contracts and the existing problems of applying the norms of civil law to smart contracts are considered.

Keyword: smart contract, civil contract, civil law regulation, civil law relations, civil law, written form of transaction, electronic form of contract.

Исследование выполнено при поддержке Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС в рамках исполнения научного проекта № 04-2018 ВИУ «Актуальные проблемы защиты прав и свобод в цифровом пространстве».

В связи с масштабным внедрением цифровых технологий в настоящее время происходят глобальные изменения во всех сферах общественной жизни. Использование компьютерных технологий при заключении и исполнении договоров, в частности смарт-контрактов, является одним из направлений внедрения цифровых технологий в сферу экономического оборота.

На основании поручений Президента Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. [1] Министерство финансов Российской Федерации (далее – Минфин России) и Банк России (далее – ЦБ РФ) 25 января 2018 г. представили тексты законопроектов «О цифровых финансовых активах» (далее – законопроекты (законопроект) о ЦФА)), касающиеся регулирования криптовалют, майнинга, а также смарт-контрактов [2].

Законопроекты о ЦФА вводят определение смарт-контракта. В законопроекте о ЦФА версии ЦБ РФ под ним понимается «договор в электронной форме, определение и исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых записей в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств» [3]. Как убедительно заметил А.М. Зайцев, «хотя смарт-контракт в данном определении рассматривается как юридический договор, его действие сводится исключительно к совершению цифровых записей. При этом отсутствует какое-либо упоминание о технологии распределенного реестра данных» [4].

Законопроект о ЦФА Минфина России предусматривает, что «смарт-контракт – договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств». Дополнительно указывается, что «защита прав участников (сторон) смарт-контракта осуществляется в порядке, аналогичном порядку осуществления защиты прав сторон договора, заключенного в электронной форме» [5]. Таким образом, конкретные способы защиты прав не установлены. Не трудно заметить, что дефиниция предлагается через термины, которые сами по себе требуют определения, что усложняет понимание смарт-контракта [6]. В данном определении распределенный реестр данных является ключевым признаком, а сфера действия смарт-контракта ограничена осуществлением транзакций в распределенном реестре [4].

Эти законопроекты о ЦФА подверглись широкой критике и на рассмотрение Парламента вынесены не были.

20 марта 2018 г. на рассмотрение Государственной думы был представлен другой законопроект о ЦФА, ответственным за который выступил Комитет по финансовому рынку. В проекте присутствует такая формулировка: «Смарт-контракт – это договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств» [7]. Однако, учитывая специфичную сферу регулирования законопроекта о ЦФА, остался неуточненным статус смарт-контрактов, не связанных с цифровыми финансовыми активами [4].

22 мая 2018 г. Госдума РФ приняла этот законопроект о ЦФА в первом чтении [8]. В этот же день в первом чтении были приняты еще два законопроекта, которые могут наряду с законопроектом о ЦФА стать основой регулирования цифровой экономики: это законопроект о краудфандинге и законопроект о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ). Последний из этих законопроектов на сегодняшний день уже имеет статус федерального закона. 12 марта 2019 г. Государственная дума приняла Федеральный закон № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [9] (далее – Закон или Федеральный закон № 34-ФЗ). Закон вносит следующие изменения в ГК РФ: закрепляет новый объект гражданских правоотношений – цифровые права (ст. 128 ГК РФ); включает нормы, согласно которым смарт-контракт приравнивается к письменной форме сделки (ст. 160 ГК РФ).

Само понятие «смарт-контракт» в Законе не употребляется, однако он вносит некоторую определенность в сферу использования самоисполняемых сделок (совершенных с помощью электронных либо иных технических средств). Так, Закон дополняет ст. 309 ГК РФ частью второй в следующей формулировке: «Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем

применения информационных технологий, определенных условиями сделки». Таким образом, по замыслу законодателя, смарт-контракт не является отдельной сделкой, это всего лишь условие об автоматическом исполнении любого гражданско-правового договора (купли-продажи, аренды, подряда и пр.).

Также Закон предусматривает, что законом, иными правовыми актами и соглашением сторон могут быть установлены дополнительные требования к форме сделки и последствиям ее несоблюдения. В случае если они не предусмотрены, то к смарт-контрактам применяются последствия несоблюдения простой письменной формы сделки (п. 1 ст. 162 ГК РФ).

Таким образом, по концепции законодательного регулирования смарт-контрактов они не должны стать новой самостоятельной сущностью. Речь идет о признании права сторон полностью или частично заключить договор с использованием электронных либо иных технических средств (в форме электронного алгоритма или, иначе, программы для ЭВМ). При этом такая форма приравнивается к письменной форме сделки.

С появлением поправок в ГК РФ увеличились шансы на нормальное гражданско-правовое регулирование смарт-контрактов в России, что в свою очередь может привести к их активному внедрению в российскую правовую реальность. До этого момента использование смарт-контрактов было ограничено по причине отсутствия какого-либо законодательного регулирования (в частности, гражданско-правового) и защиты прав сторон [10]. Некоторые исследователи считают, что на начальном этапе такого регулирования будет достаточно. Детальная же регламентация отдельных вопросов, связанных со смарт-контрактами, со временем найдет место в специальных федеральных законах.

В настоящее время тенденция такова, что смарт-контракты набирают популярность, удобство их применения растет, ряд организаций работает над совершенствованием технологий, использующих смарт-контракты [11, с. 14]. Использование смарт-контрактов имеет ряд преимуществ. Такой контракт позволяет быстро и без посредников заключать различные сделки. Механизм смарт-контракта направлен на минимизацию участия третьих лиц и посредников (нотариусов, юристов). В материальном плане такие контракты более выгодны. Создание смарт-контрактов повлекло за собой некоторое упрощение деятельности отдельных субъектов. «Смарт-контракты позволяют экономить человеческие и материальные ресурсы, обеспечивают определенную независимость» [6, с. 5].

Несмотря на свои преимущества, смарт-контракты имеют недостатки, которые длительное время и являлись препятствием для какого-либо регулирования их на законодательном уровне и большего их внедрения не только в сферу гражданско-правовых отношений, но и в другие сферы жизни российского государства. В частности, для составления таких контрактов необходимо привлекать специалистов, владеющих языком программирования, так как такой договор оформляется не на юридическом языке. Сама теория смарт-контрактов включает в себя научно-практические положения, связанные как с юриспруденцией, так и с техническими науками.

Отсутствие гибкости – еще один из недостатков смарт-контрактов. Условия смарт-контракта практически невозможно изменить в одностороннем порядке. Для этого необходимо при определении условий контракта изначально предусмотреть возможность его изменения.

Человеческий фактор также является проблемой смарт-контрактов. Не стоит забывать, что, в первую очередь, смарт-контракт – это компьютерная программа, функционирующая на децентрализованной системе и склонная к багам (жаргонное слово, обычно означающее ошибки в программе). Он имеет в своей основе программный код, неправильное написание которого приводит к ошибкам и, как следствие, к некорректному исполнению обязательства в ущерб одной из сторон.

Даже с принятием поправок в ГК РФ существуют проблемы применения к смарт-контрактам норм гражданского законодательства. Так, дискуссионным является вопрос о том, могут ли общепринятые в гражданском праве конструкции, в частности принципы гражданского права, использоваться для защиты прав и законных интересов субъектов таких отношений [6].

Не менее дискуссионным является вопрос о принципиальной возможности применения к таким контрактам общих положений о договоре и сделках. По своей структуре и содержанию умный контракт направлен на возникновение, изменение и прекращение правоотношений. У сторон такого контракта возникают определенные обязательства, именно они и формируют сделку. Однако если правовой статус смарт-контрактов определяется Федеральным законом № 34-ФЗ не в качестве самостоятельной сделки, а как условие об автоматическом исполнении любого гражданско-правового договора, то насколько верно говорить, что смарт-контракт – это сделка?

В п. 1 ст. 160 ГК РФ в редакции Федерального закона № 34-ФЗ предусмотрено, что «письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных или иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю». Однако что следует понимать под волеизъявлением сторон при заключении смарт-контрактов?

Спорными являются и вопросы о признании недействительными положений умных контрактов. Поскольку они исполняются автоматически, объектом такого договора может выступать вещь, ограниченная в обороте; возможно заключение смарт-контракта, прямо запрещенного законом, а также с неуполномоченным лицом, в том числе с малолетним или лицом, признанным недееспособным. В зарубежной литературе подчеркивается, что при работе со смарт-контрактами сложность вызывает возможность применения норм о признании сделок недействительными [12]. Если их оспаривать на тех же основаниях, что и договоры в электронной форме, то мы неминуемо столкнемся с отсутствием реальных рычагов понуждения к исполнению контракта и механизмов реституции по смарт-контрактам [13]. В связи с этим некоторые авторы говорят о так называемой «токенизации права», когда наличие права определяется технологией [14]. Если же будет обеспечиваться обратимость смарт-контрактов, то они утратят свою главную ценность – автоматическое исполнение условий сделки.

Таким образом, как и в случае с любыми инновационными продуктами на начальном этапе развития, существуют проблемы гражданско-правового регулирования смарт-контрактов, многие из которых могут быть устранены в процессе совершенствования как сопутствующих технологий, так и правового регулирования.

Литература

1. Перечень поручений Президента Российской Федерации от 21 октября 2017 г. № Пр-2132 по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере, состоявшегося 10 октября 2017 года. URL: <https://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899> (дата обращения: 11.04.2019).

2. Debevoise & Plimpton. Информация для клиентов. В России представлены первые законопроекты о криптовалютах, ICO и краудфандинге (2018). URL: https://www.debevoise.com/~media/files/insights/publications/2018/02/20180226%20ru_crypto_currency_and_crowdfunding_bills_in_russia.pdf (дата обращения: 13.04.2019).

3. Проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» (подготовлен ЦБ РФ). URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/48805/20180125_01.pdf (дата обращения: 27.04.2019).

4. Зайцев А.М. Смарт-контракты: понятие и перспективы использования // Арбитражная практика для юристов. – 2018. – № 4 (32). – С. 28–34.

5. Проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» (подготовлен Минфином России) (ред. до внесения в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.01.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Волос А.А.* Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. – 2018. – № 12. – С. 5–7.
7. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
10. *Савельев А.И.* Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. – 2017. – № 5. – С. 94–117.
11. Аналитический обзор по теме «смарт-контракты» Центрального банка Российской Федерации. М., 2018. – 20 с.
12. Szczerbowski J.J. Place of Smart Contracts in Civil Law. A Few Comments on Form and Interpretation (2017) P. 335. URL: https://www.researchgate.net/publication/322231850_Place_of_Smart_Contracts_in_Civil_Law_A_Few_Comments_on_Form_and_Interpretation (дата обращения: 11.04.2019).
13. *Янковский Р.М.* Проблематика правового регулирования децентрализованных систем на примере блокчейна и смарт-контрактов // Государственная служба. – 2018. – № 2. – С. 64–68.
14. *Савельев А.И.* Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. – 2018. – № 2. – С. 36–51.